

ОТЪ ВѢРЫ КЪ БОГОСОЗНАНІЮ.

Обыкновенно думаютъ, что все содержаніе вѣры состоитъ въ томъ, чтобы *вѣрить* въ бытіе Единого Бога, Творца неба и земли. Что въ вѣрѣ существенно именно то, что мы *вѣримъ* въ предметъ вѣры. Что поэтому самый актъ вѣры лежитъ въ основѣ нашей духовной и религіозной жизни, и что въ религіи нѣтъ ничего болѣе существеннаго чѣмъ вѣра!

Но такъ ли это? Неужели пропасть, раздѣляющая человѣка отъ Бога, заполняется только вѣрой и никакой иной болѣе существенной и реальной связи между ними нѣтъ?

Неужели только вѣра можетъ свидѣтельствовать о бытіи предмета вѣры, и никакого болѣе существеннаго и реального свидѣтельства о бытіи Бога для человѣка нѣтъ?

Если Богъ есть Высшая, Абсолютная Реальность, то относительная реальность человѣка постольку реальна, поскольку Божественная Реальность въ ней открывается.

Идея Божественнаго Откровенія, отъ котораго зарождается вѣра, лежитъ въ основѣ Св. Писанія и выражена въ миѣѣ о пребываніи Адама въ Раю, о непосредственномъ общеніи его съ Богомъ. Этотъ миѣѣ есть сказаніе о томъ, что общеніе человѣка съ Богомъ изначально, и присуще человѣку съ момента появленія на землѣ рода человѣческаго.

Слѣдовательно на этомъ изначальному фактѣ Откровенія зиждется вѣра въ Бога.

Но теперь самые просвѣщенные философы и богословы склонны думать, что вѣра со стороны субъективной соотвѣтствуетъ Откровенію со стороны объективной, т. е., что Богъ открывается человѣку въ его вѣрѣ. Вѣра для нихъ есть форма воспріятія истины о Богѣ, она сама по себѣ, есть субъективная сторона Откровенія.

Конечно, слово «Откровеніе» включаетъ два понятія. Во-первыхъ, актъ самораскрытія Бога, а во-вторыхъ, актъ воспріятія человѣкомъ Божественнаго самораскрытія. Если Бо-

жественный актъ не былъ бы воспринятъ человѣкомъ, не было бы мѣста для Откровенія.

Въ Откровеніи актъ Божественный и человѣческій нераздѣльны, но не тождественны.

И вотъ ставится вопросъ: есть ли вѣра тотъ человѣческій актъ, которымъ непосредственно воспринимается Божественное самораскрытіе? Или вѣра есть только слѣдствіе уже воспринятаго человѣкомъ Божественнаго самораскрытія въ особомъ актѣ?

Въ первомъ случаѣ вѣра была бы дѣйствительно основой духовной и религіозной жизни; во-второмъ, непосредственный актъ воспріятія человѣкомъ Откровенія первенствовалъ бы надъ вѣрой и онъ былъ бы основой нашей духовной и религіозной жизни. Этотъ особый актъ непосредственнаго воспріятія Божественнаго, лежащій въ основѣ вѣры, и подлежитъ опредѣленію. Очевидно въ послѣднемъ случаѣ надо было-бы умѣть различать отъ вѣры какое-то особое внутреннее Богосознаніе, и это Богосознаніе надо было бы разсматривать какъ субъективную сторону Откровенія, а никакъ не вѣру.

Допуская наличность особаго внутренняго Богосознанія, мы допускаемъ тѣмъ самымъ наличность особаго духовнаго знанія, выражающагося въ формѣ особаго сознанія, различнаго отъ самосознанія человѣка, но въ немъ какимъ то образомъ внѣдреннаго.

Вся трудность различенія Богосознанія въ самосознаніи и составляетъ проблему философіи Откровенія.

Всякій человѣкъ сознаетъ бытіе и жизнь, и на основаніи этого основнаго свѣта, онъ переживаетъ различныя психологическія состоянія, составляющія содержаніе его индивидуальной жизни. Человѣкъ мыслить, чувствуетъ, желаетъ, и всѣ эти переживанія даются ему, потому что онъ живой центръ, т. е. центръ сознанія бытія и жизни.

Не дѣлая различія между психологическими переживаніями и этимъ основнымъ сознаніемъ бытія и жизни, человѣку думается, что и сознаніе бытія и жизни ничто иное какъ его индивидуальныя свойства, подобно его мыслямъ, чувствамъ и желаніямъ.

Это глубоко ошибочное мнѣніе, такъ какъ сознаніе бытія и жизни составляетъ существо духовнаго начала въ человѣкѣ, и какъ таковое есть Откровеніе тѣхъ духовныхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ человѣческаго бытія.

Страшный соблазнъ признанія абсолютной самобытности человѣка совершенно ограниченной въ себѣ, и не связанной ничѣмъ съ высшими духовными началами, зиждется на этомъ заблужденіи и лежитъ въ основѣ атеистическаго воззрѣнія на жизнь.

Но Бытіе и Жизнь суть начала Абсолютныя, раскрывающіяся человѣку изъ нѣдръ своей Абсолютности въ формѣ сознанія.

Бытіе и Жизнь принадлежатъ Богу и нераздѣльны отъ Бога такъ какъ мы вѣримъ, что Богъ есть, и что Онъ живой.

Бытіе и Жизнь, будучи сами по себѣ Абсолютными, Божественными началами, становятся относительными въ свѣтѣ сознанія, и обуславливаютъ собою, въ этомъ свѣтѣ, духовную сущность человѣка.

Это та сущность, которую обыкновенно называютъ душой. Душа такимъ образомъ по существу Божественна, по формѣ же проявленія составляетъ духовную сущность человѣка.

Душа, какъ живая связь Божественнаго съ человѣческимъ, совершенно изъята изъ понятій современной, натуралистической психологіи, которая въ своихъ изслѣдованіяхъ не подымается выше состояній человѣческаго сознанія, и этимъ ограничиваетъ свое поле наблюденій. Поэтому нѣтъ еще науки о мистическомъ знаніи; а вѣра человѣка остается духовно беспочвенной такъ какъ то, что называется обыкновенно вѣрой въ наше время есть только довѣріе въ разумность признанія Бога, какъ начала всѣхъ началъ.

Современная вѣра основана на разумности идеи Высшаго Существа, а вовсе не на наличности высшаго духовнаго знанія въ формѣ Богосознанія.

Вообще Богосознаніе не является предметомъ культа въ современномъ обществѣ. А между тѣмъ только культъ Богосознанія можетъ родить истинную, спасающую вѣру. Современная вѣра есть довѣріе къ идеѣ живаго Бога. Это простое довѣріе, а не живое общеніе съ Богомъ, которое возможно только въ формѣ живаго Богосознанія.

Въ современной вѣрѣ поклоняются разумной идеѣ о Богѣ, но не стремятся переживать живую связь съ Богомъ въ Богосознаніи. Конечно, признаніе наличности особаго Богосознанія въ самосознаніи человѣка можетъ привести къ другому соблазну: къ отождествленію самосознанія съ Богосознаніемъ т. е. къ обожествленію человѣка. Одинаково опасенъ первый соблазнъ т. е. признаніе исключительности самосознанія такъ какъ это ведетъ къ жизни безъ Бога, но такъ же опасенъ второй соблазнъ въ смѣшеніи самосознанія съ Богосознаніемъ.

Для людей, обосновывающихъ свою духовную жизнь исключительно второй вѣрой, есть однако указанія на наличность Богосознанія отличнаго отъ самосознанія. На это указываетъ, именно, различіе двухъ формъ вѣры, одной — спасающей, другой — лишенной этой силы.

Въ чемъ же существо этого различія?

Въ Дѣянїяхъ Апостоловъ дѣйствительно сказано: «Вѣруй въ Господа Іисуса Христа и спасешься». Но многіе забываютъ, что сказано еще: «и бѣсы вѣрують, и трепещуть» (Іак. 2. 19).

Слѣдовательно не всякая вѣра спасаетъ. Можно вѣрить и все же быть діаволомъ во плоти человѣческой. И невольно возникаетъ вопросъ: въ чемъ же различіе этихъ двухъ вѣръ, одна, ведущая къ спасенію, другая — къ гибели?

Чтобы понять, въ чемъ сущность спасающей вѣры, посмотримъ сперва какъ вообще вѣра дается человѣку.

«Вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ Слова Божія», сказано въ посланіи къ Римлянамъ (10, 12). И если подъ словомъ Божіимъ понимаютъ только то, что сказано въ Священномъ Писаніи, то въ христіанскомъ мірѣ уже давно всѣ слышатъ благую вѣсть о Богѣ и многіе увѣровали въ истинность слышаннаго. Но развѣ отъ этой вѣры мы уже спасены? Мы можемъ вѣрить во все содержаніе Св. Писанія, во всѣ догматы и историческіе факты изъ жизни и смерти Спасителя и все же погибнуть. Такая вѣра только признаетъ истинность всего того, что благовѣствуется въ Св. Писаніи, она по преимуществу умственного характера. И все же благодаря этой умственной вѣрѣ, мы получаемъ увѣренность въ бытіи Единаго Бога, Творца неба и земли. Увѣренность, рожденная этой вѣрой, чисто логическая, она не основана ни на какомъ положительномъ, конкретномъ доказательствѣ и зиждется на авторитетѣ Св. Писанія, которое признается Истиной нашимъ ищущимъ разумомъ. Вотъ какова природа присущей намъ вѣры, которая не только не спасаетъ, но и не можетъ препятствовать нашей гибели.

На этой ступени вѣры большинство людей останавливается; они не идутъ дальше къ пріобрѣтенію спасающей вѣры и потому погибаютъ. Многіе даже совершенно не понимаютъ, что въ достиженіи какой-то высшей степени вѣры состоитъ цѣль духовной жизни человѣка.

На чемъ же зиждется авторитетъ Св. Писанія, благодаря которому мы пріобрѣтаемъ увѣренность въ истинности того, что въ немъ изложено? Эта увѣренность происходитъ отъ того, что мы признаемъ Св. Писаніе какъ Истину Богооткровенную, какъ Истину, которую Самъ Богъ открылъ людямъ, которую не люди создавали усиліями человѣческаго разума, чтобы проникнуть въ сокровенную тайну жизни. Слѣдовательно въ концѣ концовъ наша вѣра основана ни на самомъ Св. Писаніи, а на томъ фактѣ, что Богъ изначально раскрывался человѣку. А то, что было сообщено человѣку самимъ Богомъ только запечатлѣно въ Св. Писаніи.

Житейскій опытъ боговдохновенныхъ людей и Богочеловѣка въ особенности далъ намъ тѣ сокровища Истины, которыя

мы черпаемъ теперь изъ Священнаго Писанія. И мы логически принуждаемся вѣрить въ ихъ свидѣтельство, разъ ихъ духовный авторитетъ для насъ выше всякаго сомнѣнія.

И такъ въ конечномъ счетѣ всякая вѣра основана на Откровеніи, хотя бы это Откровеніе было непосредственнымъ переживаніемъ только весьма ограниченнаго числа духовно-зрѣлыхъ людей и Единаго Богочеловѣка.

Поэтому наша разумная вѣра происходитъ отъ слышанія слова Божія, изложеннаго и въ Св. Писаніи; вѣра же Боговдохновенныхъ людей и Богочеловѣка основана на непосредственномъ слышаніи живаго Слова Божія.

Но Адамъ тоже слышалъ непосредственно Слово Божіе, когда жилъ въ Раю и все же согрѣшилъ. Слѣдовательно непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ недостаточно еще для спасенія человѣка. Для этого необходимо полное послушаніе Слову Божію, какъ слѣдствіе полнѣйшаго довѣрія Богу.

Безъ довѣрія, безъ того, чтобы всецѣло ввѣрить себя Богу нѣтъ спасенія. Надо отдаться Богу. Но что значить эти слова «довѣриться», «ввѣриться» или «отдаться Богу»? Что значить эта высшая ступень вѣры, одна дающая человѣку спасеніе. Очевидно вѣра Боговдохновенныхъ людей и Богочеловѣка въ особенности, основанная на непосредственномъ воспріятіи Слова Божія, куда болѣе жизненна и проникновенна, чѣмъ вѣра, основанная на довѣрїи къ чужому воспріятію Слова Божія, изложенному для насъ въ Св. Писаніи. Въ первомъ случаѣ имѣется непосредственное и живое общеніе человѣка съ Богомъ; во-второмъ этого непосредственнаго общенія нѣтъ. И въ этомъ все различіе двухъ степеней вѣры.

Есть мѣста Евангелія, на которыя обращаютъ мало вниманія. А мало вниманія обращаютъ на эти мѣста потому, что ихъ не понимаютъ. Между тѣмъ сокровенный ихъ смыслъ хранить въ себѣ всю сущность ученія Христа о спасающей вѣрѣ.

Во-первыхъ, напомнимъ о бесѣдѣ І. Христа съ Никодимомъ. Иисусъ сказалъ: «истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, то не можетъ войти въ Царствіе Божіе» (Іоан. 3, 5). Это ясное указаніе на то, что спасительная вѣра дается человѣку только при духовномъ его перерожденіи. «Должно вамъ родиться Свыше» (Іоан 3, 7). Поэтому сущность духовнаго перерожденія состоитъ въ томъ, что благодаря ему человѣкъ вступаетъ въ живое и непосредственное общеніе съ Богомъ.

Благодаря этому духовному перерожденію вѣра, основанная сперва на довѣрїи къ чужому авторитету смѣняется вѣрой, даруемой человѣку въ результатъ непосредственнаго уже воспріятія Слова Божія.

Эта зависимость спасающей вѣры отъ духовнаго перерожденія является существенной чертой ученія Христа. Благодаря духовному перерожденію устанавливается дѣйствительное общеніе между человѣкомъ и Богомъ. Связь духовная между ними была и раньше въ силу того, что Богъ Вездѣсущъ, но она оставалась скрытой, потенціальной.

Какъ же Св. Писаніе насъ учить понимать живую связь человѣка съ Богомъ?

Какъ она вообще возможна при ограниченности природы человѣка и ея несоизмѣримости съ Всемогуществомъ Бога? Съ первыхъ же словъ Евангелія отъ Іоанна мы получаемъ указаніе на то, какъ осуществляется живая связь человѣка съ Богомъ и какъ благодаря этой связи возможно и живое общеніе.

Сказано: что въ Богѣ было Слово, что въ Слово была жизнь, а жизнь была свѣтъ человѣковъ. И такъ какъ свѣтъ жизни для человѣка есть его сознаніе бытія и жизни, то благодаря сознанію возможна для человѣка та или иная форма Богосознанія.

Разъ мы вѣримъ, что Богъ есть, и что Онъ живой, то мы должны признать, что принципъ бытія и жизни въ Богѣ и у Бога. Вотъ почему мы должны признать, что свѣтъ бытія и жизни, данный человѣку въ сознаніи, есть свѣтъ отъ Свѣта, т. е. Откровеніе Божественнаго Слова, въ которомъ жизнь.

Пускай сознаніе — Бытія и Жизни — первичная форма Откровенія, которая открываетъ собой путь къ болѣе совершеннымъ формамъ, но все же въ сознаніи Бытія всякому человѣку дается искра того свѣта Христова, который освѣщаетъ всѣхъ.

И такъ какъ Іисусъ Христосъ былъ воплощеннымъ Словомъ, то Онъ могъ сказать: «Я въ нихъ», такъ какъ Слово въ формѣ сознанія — Бытія въ людяхъ. «И Ты во Мнѣ» такъ какъ Слово въ Богѣ и у Бога. «Да будутъ совершенно во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ меня» (Іоан. 17, 23). Психологія современнаго христіанскаго міра далеко отошла отъ ветхозаветныхъ основаній христіанскаго ученія о Богѣ.

«Особенность Израиля въ отличіе отъ другихъ семитическихъ народовъ состояла не въ томъ, что онъ чтилъ Бога, какъ Отца, Царя и Владыку, и считалъ себя Его народомъ, а въ томъ, какого Бога онъ чтилъ. Особенность Израиля заключалась въ его Единобожїи и въ самомъ существѣ его Бога, который раскрылся въ сознаніи его пророковъ, какъ единый Духъ истины, Создатель неба и земли, Всесильный и Всеправедный».

Какова бы ни была наша личная оцѣнка этого Откровенія, будемъ ли мы видѣть въ немъ иллюзію или дѣйствительное явленіе Божества, мы должны признать въ такомъ Откровеніи реальный психологическій фактъ: пророки переживали

его, испытывали его. Въ этомъ убѣдится всякій, кто знаетъ ихъ писанія, какъ бы онъ ни объяснялъ себѣ ихъ душевное состояніе. Пророки сознавали Бога, слышали, ощущали Его, и это необычайно живое, конкретное, интенсивное Богосознаніе составляетъ ихъ отличительную особенность, безъ которой нельзя понять религіозную исторію Израиля».

«Богъ не былъ для нихъ предметомъ умозрѣнія. Онъ былъ предметомъ религіознаго опыта, предметомъ непосредственнаго сознанія. Для нихъ Богъ былъ безконечно реальнѣе, сильнѣе міра и ихъ собственной души. Проникнутые Имъ они словомъ и дѣломъ, являли открывали, показывали Его другимъ, убѣждая этимъ другихъ въ Его силѣ и правдѣ, сообщая другимъ то сознаніе, которое ихъ переполняло».

«Но, замѣчательное дѣло, это Богосознаніе, эта глубокая, интенсивная религіозность не только не парализовала развитія человѣческой личности и личнаго человѣческаго самосознанія, но, наоборотъ, способствовала этому развитію. Богъ, сознаваемый въ Его превозмогающей реальности, правдѣ и силѣ, и человѣкъ, въ его самоутверждающейся личности, составляютъ какъ бы два полюса ветхозавѣтной религіозной жизни».

Сознаніе Божества становится видѣніемъ, и притомъ видѣніемъ до такой степени живымъ и реальнымъ, что человѣкъ не зналъ, куда уйти отъ лица Бога — лица передъ которымъ горы таяли какъ воскъ и тряслись основанія вселенной».

Откровеніе, которое испытываетъ пророкъ, не есть умозрѣніе созерцательнаго мистицизма, видѣнія, которыя ему являються, не суть грезы распаленной чувственности. Это непосредственное выраженіе того духа, который его переполняетъ. Отсюда изумительный реализмъ пророковъ, который такъ поражаетъ читателей въ Ветхомъ Завѣтѣ».

Мы не можемъ въ достаточной мѣрѣ остановиться на той основной особенности ветхозавѣтной религіи, что подъ «жизнью» разумѣется *полнота* личныхъ переживаній, *зависящая отъ сознанія живаго общенія съ Богомъ* и возможнаго приближенія къ Богу. Благо — въ этомъ приближеніи.

«У Евреевъ Богъ есть предметъ сознанія. Существо, съ которымъ духъ человѣка находится въ общеніи и въ которомъ онъ находитъ полноту жизни. Богосознаніе есть та духовная сила, которая родила пророковъ и ихъ предвозвѣщанія о приближающемся Царствѣ Божіемъ».

Это Царство, которое предвозвѣщали пророки, какъ божественную необходимость, приблизилось и наступило дѣйствительно въ новомъ Откровеніи».

«Богъ многократно и многообразно говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ, въ эти послѣдніе дни говоритъ намъ въ Сынѣ, котораго поставилъ наслѣдникомъ всего». (Евр. I, 1).

Въ этомъ Сынѣ, въ этомъ совершенномъ Откровеніи Слово Божіе исполняется, вочеловѣчивается, становится плотью. Это уже не внѣшняя заповѣдь или обѣтованіе, не законъ или пророчество, а полное осуществленіе, полное воплощеніе Слова Божія, видимое и осязаемое, живое. Такое Откровеніе и осуществленіе Божества въ мірѣ и есть конечная цѣль, ради которой созданъ міръ. А Богосознаніе Богочеловѣка есть тотъ предѣлъ религіознаго сознанія, къ которому будетъ постоянно стремиться человѣчество. Въ этомъ стремленіи сущность христіанской жизни.

И поскольку современный христіанскій міръ пренебрегаетъ этой сущностью христіанской жизни, и подражаетъ эллинскому духу, увлекаясь умозрѣніемъ о Богѣ, постольку умѣстно его называть не христіанскимъ, а псевдохристіанскимъ міромъ.

Современному христіанскому міру надо вернуться къ истинной христіанской жизни, т. е. къ культу Богосознанія, который одинъ рождаетъ истинную, спасающую вѣру.

Господствующая теперь разумная вѣра слишкомъ немощна для спасенія человѣка. Ее должна смѣнить иная вѣра, основанная на живомъ Богосознаніи.

Съ культомъ послѣдняго совершается духовное перерожденіе человѣка, состоящее въ томъ, что въ человѣческомъ самосознаніи загорается особый свѣтъ Богосознанія.

Всякое сознаніе Бытія, пока въ немъ первенствующее значеніе принадлежитъ свѣту сознанія, является выраженіемъ личнаго самосознанія, но когда въ томъ же сознаніи-Бытія первенствующее значеніе переходитъ на Бытіе, какъ на духовную сущность сознанія, оно становится уже Богосознаніемъ такъ какъ Бытіе въ Богѣ и у Бога.

Этимъ существеннымъ видоизмѣненіемъ сознанія-Бытія осуществляется Царствіе Божіе на землѣ. И тѣмъ фактомъ, что сознаніе - Бытія есть первичное форма Откровенія, никто не лишенъ пути благодатнаго спасенія.

Для этого человѣку надо только повѣрить въ истину о живой связи человѣка съ Богомъ, такъ какъ эта вѣра поддерживаетъ стремленіе человѣческой души къ Богу и способность ея воспринимать Дары Духа Святаго.

Но этого недостаточно. Надо еще побороть въ себѣ «князя міра сего», т. е. исключительную свою привязанность ко всему земному.

Въ заповѣдяхъ блаженства I. Христосъ научаетъ, какъ можно побороть въ себѣ эту привязанность, которая такъ сильно подавляетъ духъ человѣческой.

А привязанность эта основана прежде всего на признаніи

исключительности самосознанія, на признаніи самодовлѣющей человѣческой жизни.

Только зарождающееся Богосознаніе спасаетъ челоѣка отъ этого заблужденія, а съ духовнымъ перерожденіемъ и накопленіемъ духовныхъ цѣнностей умалается постепенно исключительная привязанность къ земному.

Новая эра христіанства, расцвѣтъ христіанства, можетъ начаться только тогда, когда люди поймутъ, что челоѣкъ въ своемъ сознаніи Бытія есть живая форма Откровенія.

Тогда челоѣчеству уже не уйти отъ лица Бога, такъ какъ оно признало Бога съ челоѣкомъ неразлучнымъ.

Надо будетъ только жить такъ, чтобы живая связь челоѣка съ Богомъ стала живымъ общеніемъ между ними.

А для этого челоѣкъ долженъ начать думать о томъ, что въ немъ Божіе, а не только о томъ, что въ немъ челоѣческое. И тогда онъ сознательно будетъ жертвовать челоѣческимъ, чтобы приобрѣсти Божіе.

Б. Вревскій.